

Первая кровь

Солнце походило на разъяренного льва с раскаленной гривой: мотая головой и взмахивая хвостом, оно в муках швыряло огонь на землю. Деревья тупо стояли неподвижно, и их листья инстинктивно сжимались в трубочки. На холме резвилась ребятня. Персиковые деревья, сирени и сосны так сильно раскалялись на солнце, что покрывались капельками желтой смолы. Одни дети только и делали, что соскабливали ее, другие же ловили муравьев, комаров и пауков, а затем собирались вместе, лепили из смолы комки, пряча в них букашек, и закапывали в землю в надежде, что спустя сотни тысяч лет они превратятся в драгоценный янтарь.

Кое-кто из детей лазил по вязам в поисках кузнечиков. Восемнадцатилетняя Жэнь Мяньтао заметила на ветке вяза двух кузнечиков: один сидел на спине у другого и слегка шевелился. Кровь во всем теле Мяньтао заволновалась так сильно, как никогда прежде, ее прекрасное лицо залило румянцем, но, толком ни о чем не думая, она протянула изящную руку, чтобы поймать их. Нижний кузнечик оттолкнулся задней лапой и улетел, а поймать удалось лишь верхнего.

Стоит упомянуть, что семья Мяньтао жила очень бедно. Когда ее мать рожала обоих ее братьев и ее саму, у них не было даже хлопка, чтобы набить ватник — отец набивал его одуванчиками, тростником и осокой. Поэтому отец называл сыновей Жэнь Пу и Жэнь Вэй, а ее называли Жэнь Мянь, но мать добавила к имени еще и иероглиф «персик». Когда она поступала в школу, классный руководитель учитель Лэ сказал, что ее имя звучит слишком простонародно, и помог сменить его на Мяньтао, взяв за основу строчку «лица и персиковые цветы взаимно отражают друг друга в своем алом сиянии». Мяньтао работала в коммуне, а сегодня отдыхала дома. Хотя она уже не была ребенком, детская наивность в ней еще не угасла, и она резвилась на холме вместе с малышкой. Несмотря на свои восемнадцать лет, у нее еще не начались женские дни. В те времена девушки в массе своей выросли поздно, и девятнадцать-двадцать лет считались нормой.

Упавшая на землю лапка кузнечика стала яблоком раздора для двух муравьев. Они ни в какую не хотели уступать друг другу, и ни один не мог утащить добычу в норку. В конце концов, разъярившись, оба бросили ее и в гневе побежали по домам поднимать тревогу. Вскоре два муравьиных войска высыпали наружу, выстроились на ровной площадке длинной змейкой и, шагая в ногу, сошлись в жестокой схватке стенка на стенку.

Дети, которые неподалеку запекали кузнечиков, некоторое время понаблюдали за этой «войной», а потом сунули между муравьями тлеющую сухую травинку, пытаясь их разнять. Муравьи же дошли до такого исступления, что были готовы погибнуть вместе, лишь бы не уступать противнику — прямо как черепаха, вцепившаяся в пятку: задохнись, но не разожми челюсти.

Ребята увлеклись зрелищем и не заметили, как дикий ветер подхватил языки пламени, толкнув их навстречу траве и кустам. Огонь пополз по склонам. Возможно, стремясь спасти свой род от вымирания, муравьи забыли о вражде и сбились в один большой ржавый шар, который покатился вниз с холма. Проходя через зону пожара, муравьи на поверхности пожертвовали собой — их крошечные тела вспыхнули пламенем, пропахли гарью и обратились в пепел.

Наконец большой шар превратился в маленький огненный мяч и влетел в лощину, где пламя, наконец, угасло. Но многие утонули, и выжить посчастливилось лишь тем, кто случайно наткнулся на плывущие предметы.

Пока остальные дети еще охали и вздыхали, Мянътао вдруг почувствовала внизу живота липкую, влажную прохладу — ощущение было из приятных ниже среднего. Украдкой отлучившись от компании, она пошла на другую сторону гряды, чтобы разобраться, в чем дело. Заглянув за воротник штанов в зарослях, она обнаружила, что это не диарея, а какие-то алые выделения. Боясь, что мать заметит это при стирке и начнет ее ругать, она огляделась — поблизости никого не было — и, шмыгнув к подножию лощины, спряталась, стянула штаны и принялась яростно их тереть.

Бешеная корова, словно пораженная точкой акупунктуры могучего божества, тупо стояла у края лощины, не двигаясь с места. У крупного водяного бугая вывалился наружу красный «кишечник» длиной с палочку для еды; видимо, испугавшись, что на ветру он засохнет и сморщится, бугай приподнялся и запрыгнул на круп коровы, пытаясь запихнуть «кишечник» обратно в ее брюхо для сохранности. Операция эта, судя по всему, давалась с трудом. Здоровый бык колотил изо всех сил, словно вбивал колышек в стену, и в конце концов с грохотом обессиленно рухнул, смущенно уткнувшись мордой в спину коровы, а передние копыта свесив ей на шею, и замер. Мянътао, замороженная этой картиной, в одно мгновение прозрела и разом постигла все тайны любви. На глади воды перед ней неизвестно откуда поднялись два больших пузыря — красный и белый.

В этот момент послышалось несколько мычащих звуков, и Мянътао увидела, как с вершины холма несется еще один бугай с «гнилым кишечником», который сразу же полез к корове, пытаясь пристроиться ей на спину. Предыдущий бык этого не стерпел, слез и устоялся на соперника свирепым взглядом: назревала драка. Мянътао, сидевшая в воде, испугалась: она знала, как мальчишки любят глазеть на коровьи бои. Если они прибегут смотреть, разве не увидят ее голышом? Она торопливо вылезла на берег, схватила красную рубашку, прикрыла ею грудь и, не зная, что делать, застыла посреди двух быков, надеясь, что они не станут драться. Глаза обоих бугаев налились кровью и походили на изрыгающие огонь жемчужины; опустив головы и задрав крупы, они яростно готовились сойтись лбами. Мянътао оставалось только зажмуриться — белая девушка, наверняка, превратилась бы в фарш. В этот опасный момент откуда ни возьмись налетел вихрь, зашевелив рукава алой рубахи, словно изрыгающее пламя языки огня, и напугал быков так, что те попятились. Как выяснилось, традиционный способ крестьян разнять дерущихся быков заключался в том, чтобы поджечь метлу и сунуть ее между их мордами — это позволяло легко их рассоединить. Именно благодаря этому Мянътао избежала гибели.

Оказавшаяся совершенно голой среди бела дня Мянътао, без сомнения, стала главным зрелищем — более ослепительным, чем солнце. Какой-то мужчина лет пятидесяти со шрамом на левом подбородке залег в кустах и пускал слюни, наблюдая за происходящим. Рядом с ним стоял весьма архаичный и первобытный черный глиняный кувшин.

Если присмотреться к этому кувшину: высотой он был с баскетбольный мяч, в брюхе — такой же толщины, от горлышка вниз расходились десять выгравированных черных полос, а черная как смоль горловина была доверху забита темной массой, источавшей слабый, дурманящий аромат. Вокруг пуза кувшина красовались пять женщин, будто принимающих солнечные

ванны: они стояли на коленях, воздев руки, с распущенными волосами и выпяченной грудью, словно приветствуя кого-то в объятиях; их лица были запрокинуты, глаза закрыты — они выглядели опьяненными и одурманенными, будто возносили молитвы. Все женщины были наги, и на каждую падало по две полосы солнечного света. Если посмотреть сверху, круглое горлышко и эти полосы вместе образовывали облик «черного солнца», излучающего черное сияние.

В глуши тенистой рощи какой-то парень с сияющим на солнце кинжалом медленно подбирался к нему со спины. Еще два шага, один шагом, парень высоко взметнул кинжал обеими руками и занес его над его сердцем...

Старик утер с подбородка слюну и нечаянно задел локтем глиняный кувшин. Тот покатился прямо в зону пожара, и находившаяся внутри черная масса вспыхнула, выбросив клубы черного дыма, которые мгновенно окутали всю горную деревушку — зрелище было куда страшнее, чем когда старый рыбак открыл оловянную кубышку...

Орел, долго круживший над этими местами, внезапно камнем рухнул вниз, вцепился в красную рубашку Мянъятао и попытался улететь. Поскольку карманы были набиты тяжелыми кузнечиками, взмыть вверх не удавалось, и птица полетела низом вдоль речки. Разумеется, кузнечики были нанизаны на травинки, иначе они бы давно разбежались.

Оба быка снова опустили головы и задрали крупы, перенесли центр тяжести назад и с грохотом столкнулись лбами во второй раз. В тот же миг нахлынула черная пелена. Солнце исчезло, мир тоже пропал. Казалось, некий обладатель великой магии спрятал их обоих. Старик в темноте сбросил трусы, бросился с холма, обхватил кого-то и принялся вовсю усердствовать, но повозившись так порядочно, почувствовал себя точь-в-точь как мартышка, лижущая костяшки абака — ощущения были совсем не те: неужели встретил призрака? Почему партнер такого же точно покроя, как он сам? Оба поскорее разжали руки и впотьмах нырнули обратно в кусты.

Солнце вернулось на небосвод. Дамба и межи зелеными лентами соединяли «водное зеркало» с горной деревней. Бешеная корова четырьмя огромными копытами ступала по зеленой меже, направляясь в затерянную в горах деревушку. Мянъятао, в своей алой рубашке, вырезала мелодию на свирели и сидела верхом на бугае поперек спины, а ее мокрые распущенные волосы водопадом свисали на коровью шкуру. Оказалось, что безумная корова, напившись у реки, как раз пятилась на берег, когда орел пролетал низко над ней, и красная рубаха зацепилась за кончик ее рога, а тут еще внезапно стемнело, так что птица испугалась и бросила одежду. Доиграв мелодию, Мянъятао затянула слова песни, которую только что исполняла:

Кровавым фаршем выплаканы следы,

Какую цель в мытарствах жизни ищем?

Пусть славой озарим былые годы,

Но лучше на холме пасмурной нищей.

И песня, и стихи принадлежали человеку, которого Мянътао называла вторым братом.

Люди часто говорят: настоящий мужчина! Так кто же зовется настоящим мужчиной?

Мэн-цзы изрек: «Богатство и знатность не могут развратить его, бедность и нищета не могут сдвинуть с места, могущество и сила не могут согнуть — вот кто зовется настоящим мужчиной».

В древности от настоящего мужчины требовалось совершить три бессмертия: взрастить добродетель, совершить подвиг и оставить слово. Я полагаю, что имена нашего раннего пролетарского революционера Ли Лисаня, а также известного мастера разговорного жанра сяньшэн Ма Санли происходят именно отсюда. Из этих трех добродетель — самая главная, поэтому она стоит на первом месте. Живя на белом свете, человек должен обладать хоть какой-то нравственностью. Обладающий добродетелью подобен солнцу на небе. Лишь когда на небе светит солнце, оно способно неизменно освещать половину земного шара. Если же человек наделен нравственностью, он озарит светом и великолепием всю свою жизнь. Широко творить тайные добрые дела при жизни и под старость стяжать славу уважаемого человека с безупречной репутацией — вот лучший финал для прожитой в духовных поисках жизни. Совершить подвиг — значит сделать нечто полезное и враз заслужить заслуги перед обществом и народом. Оставить слово — значит написать книгу, которая переданется потомкам. Настоящий мужчина должен также совершенствовать себя, упорядочивать семью, управлять государством и приводить Поднебесную к миру — все это тесно связано и взаимодополняет идею трех бессмертий.

Кроме того, в сборнике «Учения династий Сун и Юань» сказано: в поступках настоящего мужчины судят о правильном и неправильном, а не о выгоде и убытке; судят о правых и кривых путях, а не об успехе или неудаче; судят о вечности, а не об одной человеческой жизни. Древний мудрец Цай Цзэ говорил: «Настоящий мужчина, живущий в мире, у которого есть и положение, и добрая слава — стоит на высшей ступени; тот, чья слава переживет смерть тела — на второй; ну а тот, чья слава опозорена, а тело уцелело — стоит лишь на самом низу».

Древние также говаривали: настоящий мужчина должен либо скрытно совершенствоваться всю жизнь, храня чистую славу и малые добродетели, либо неуклонно стремиться вперед, забыв о страхе смерти ради великого дела.

К тому же, настоящий мужчина не может совершать неразумные поступки. Он не меняет имени в скитаниях и не скрывает фамилию, ступает праведными путями и держится прямо, открыт и благороден, преисполнен праведной ци, говорит четко и решительно, слово его — закон, сказано — значит не воротишь, а плевков на землю становится гвоздем.

Настоящий мужчина должен обладать чувством собственного достоинства, как в стихе: «Сыновнее зовление Сэна — не сесть в лодку, сам себя называю бессмертным в вине», чувством самоуважения, подобно тому, как «Лю Сяхуэй сидел в объятиях женщины и не поддался соблазну», уверенностью в себе — «Прирожденный мой талант непременно найдет применение», стойкостью духа — «Замерзну — так стоя лицом к ветру, умру с голоду — ни за что не попрошу подачки», самодисциплиной — «Муж, живущий в мире, если из-за женской

красоты забудет свои истоки, чем он отличается от зверя?», умением не привязываться к богатству, храня бедность: «Богатство и знатность подобны гостям, а я их не принимаю», физической закалкой, позволяющей «в миллионном войске взять голову главного полководца словно достать вещь из кармана», силой характера — «Пусть тело разлетится на мелкие кусочки и обратится в прах, но чистую белизну я оставлю в людях», бесстрашием — «Я сам, занеся клинок, смеюсь небесам, уходя и оставаясь, разделяю верность с двумя Куньлунями», великой отвагой — «Хоть тысячи и мириады людей пойдут, я отправлюсь туда», решимостью — «Ветер свищет печально, замерзла вода на Ишу, муж отважный уходит в поход и назад не вернет», искренностью — «Вверх и вниз глядя, не стыдно перед небом и землей, а похвала и порицание имеют собственную весну и осень», легкостью духа, позволяющей бросить: «Коль здесь не держит господин, найдутся места, где удержат», и стряхнуть рукава, уходя, а также романтикой в духе: «Родившись человеком, от этого не уйти».

Эта речь звучала страстно, вдохновенно, звонко и чеканно. Хотя присутствующие поняли далеко не все, они от удивления высунули языки так далеко, что те никак не хотели прятаться обратно, и в итоге их приходилось заталкивать в рот руками. Ян Шува, страдавший от зубной боли, от удивления разинул рот так широко, что тот походил на луну в пятнадцатый день месяца — судя по всему, на то, чтобы закрыть его, потребовалось бы не меньше полумесяца. На ветку большого вяза уселся зеленый попугай. Воспользовавшись тем, что у Ян Шу рот был широко разинут, птица слетела с дерева, вытащила из его дупла сгнивший зуб, легко упорхнула обратно на сук, в два счета проглотила его, а затем тихо прошептала:

— Твой зуб выпал от испуга, это я его не выдергивала. Если хочешь кого винить, вини того словоохотливого парня, который тут распинался во всю мочь, я к этому вообще не имею никакого отношения! Если бы не нужда набить желудок, ни за что не стала бы так страстно тебя целовать!

Ян Шу и все остальные ничего этого не заметили.

Ян Шу почувствовал, что что-то ударило его по стопе, пошлепал губами и обнаружил, что лишился одного зуба. Он опустился на четвереньки и принялся шарить по земле, пока наконец не отыскал его. Забросив зуб на крышу склада, он произвел:

— Это завет старших: все потерянные частички собственного тела, будь то остриженные ногти или корочки от заживших ран, нужно непременно забрасывать на крышу. И ни в коем случае нельзя бросать на землю, а уж в огонь — пуще прежнего, только вот почему — сам не знаю!

Вэнь Тулу тут же отозвался:

— Да все из-за феодальных предрассудков! Боятся, что частицы тела попадут в землю или в огонь, словно сам человек заживо в землю или огонь отправился — дурная примета!

Зеленый попугай снова пробормотал себе под нос:

— Зуб-то ведь в земле прорастет! Прорастет, вырастет огромный зубище, да не дай бог укусит кого из бабок за ногу — какая напасть, вот его и забрасывают на крышу. Там он вряд ли прорастет, а если даже и прорастет, то кусать будет лапы таких летучих тварей, как мы, но до вас точно не доберется. Вы, люди, и эгоистичны, и соображалка у вас не работает, слушать вашу белиберду больше не вмоготу, улетаю!

С этими словами птица с шумом захлопала крыльями и унеслась прочь.

А произнес эту речь о настоящем мужчине никто иной, как Эрвань — тот самый человек, чьи стихи только что распевала Мяннтао.

<http://bllate.org/book/22008/2287952>